

Эвелин Эндерляйн¹

ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВО ФРАНЦИИ: СЛУЧАЙНОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Первые переводы русских художественных текстов появились во Франции во второй половине XVIII века. Именно в этот период в сознание французов закладывается образ, предложенный самой действительностью. Тогда количество приезжих русских было настолько значительно, что Вольтер написал сатиру под названием «Русский в Париже» (1760), а писатель и публицист Луи-Себастьян Мерсье видел в этом характерные черты парижской жизни конца XVIII века².

Правомочно, таким образом, спросить, насколько хорошо знали французы русскую литературу; какие произведения были переведены, кем и для чего? Какое влияние они оказали на формирование образа русского человека во Франции? Каким было их восприятие? Мои исследования привели меня к вопросу об отношениях между литературным переводом и другими факторами социально-исторической жизни. Эта проблема рекуррентная, относится к любой эпохе. Дистанцирование во времени позволит нам более объективно взглянуть на это явление в XIX веке.

До конца XVIII века французы думали о России как о какой-то очень далекой варварской стране³. Только

на рубеже веков можно наблюдать изменение отношения к ней. В это же время появились первые признаки культурного интереса к России⁴. Первая русская грамматика Жана Сойера на французском языке называлась «La Grammaire russienne» (1724). Французская публика еще пребывала в уверенности, что Россия не имеет собственной литературы и ее язык не заслуживает изучения. В 1800 году появился сборник «Избранное лучших сочинений русской литературы, от ее возникновения до времен Екатерины II», переведенный на французский язык греком, живущим в России, М. Л. Паппадопуло и гражданином Галле. Если Паппадопуло нанял французского сотрудника, то только потому, что он знал русский язык и практически не знал французского! Но интерес французской образованной публики рос, и нетерпеливые парижские издатели, не имея книг французского происхождения, начали публиковать иностранные исследования, как, например, «Историческая и статистическая схема Российской империи» немца Генриха Шторха в 1800 году и «Российская империя при царствовании Екатерины II и в конце XVIII века» англичанина Уильяма Тука, изданная на французском языке в 1801 году в шести томах.

В период после смерти Павла I и до сражения в Аустерлице (с 1801 по 1805 г.) разворачивалась позитивная пропаганда. Французские газеты превозносили публикации, благосклонные к России (Alphonse de Beauchamp), и молчали по отношению к враждебным изданиям (Sylvain Maréchal, 1802)⁵. Из всех писателей

¹ Заведующая кафедрой славянских языков Университета г. Страсбурга (Франция), доктор филологии, профессор. Автор 50 научных публикаций, в т. ч.: «Русско-французский тематический словарь современного языка», «Женщины в советской России (1945–1975)», «От гусара к товарищу: два примера травестирования в России XVIII и XX веков», «Русский язык в постсоветском пространстве», «Амазонка на русской земле», «Размышления о первом женском всероссийском съезде 1908 г.», «Культурное значение Страсбурга для русских в XVIII веке» и др.

² Mercier L.-S. Paris pendant la révolution. P., 1962. P. 244.

³ Mervaud M., Roberti J.-C. Une infinie brutalité, l'image de la Russie dans la France des XVI et XVII siècles. P., 1991. (В пер. на рус.: Бесконечная жестокость, образ России во Франции XVI и XVII веков.)

⁴ Историки Levesque в 1782 г., затем Le Clerc в 1783–1784 гг. опубликовали «Историю России». (В пер. на фр.: Histoire de la Russie.)

⁵ См.: Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue russe 1799–1894. P., 1967. P. 55–56.

особенно выдающимся для французов, судя по переводам, являлся Карамзин.

Но вскоре начался перелом. Англия возобновила войну (Трафальгар, 1805). Александр I, обеспокоенный восточными проектами Наполеона, стал питать к нему враждебные чувства. В октябре 1805 года русская армия вошла в Вену. Тогда механизм второй коалиции снова заработал. Вынужденный отказаться, по крайней мере, на некоторое время от францужско-русского соглашения, Наполеон разыграл примерно в течение двух лет карту западной мощи против России. Именно в это время “*Bulletins de la Grande Armée*” начали возрождать образ диких полчищ татар. Литературе тех лет о России не хватает объективности, так как Польша была в центре внимания и привлекала симпатии публицистов... Эффект скрытой русофобии со времен похода Суворова значительно усилился после военной кампании 1812 года и особенно после падения империи, которое она повлекла за собой.

С тех пор идеологические соперники Наполеона стали пользоваться популярностью. Безразличие или враждебность по отношению к России вскоре прекратились. Уже в 1814 году Шатобриан, который до того времени не знал о России, в брошюре “*De Buonaparte et des Bourbons*” (1814) написал о признательности аристократов Александру и восхвалял его в своих “*Mémoires d’Outre Tombe*”. В 1821 году появились сочинения Жозефа де Местра, которого в возрасте 50 лет король Сардинии назначил послом в Санкт-Петербурге, где он открыл для себя вторую родину. Запоздалая русофилия вдохновила его написать самые прекрасные страницы своих “*Soirées de Saint-Petersbourg*” («Петербургские вечера»), при этом он не оставил своих антинаполеоновских и антиреволюционных пристрастий. В том же 1821 году в печать вышла книга “*Dix années d’exil*” («Десять лет в ссылке») мадам де Сталь, которая также была очень положительно настроена по отношению к русскому народу, с которым она познакомилась во время своей поездки по России, не зная русского языка.

В годы Реставрации в начале 1821 года в журнале “*Revue encyclopédique*” впервые встретилось имя Александра Пушкина с одобрительным суждением о поэме «Руслан и Людмила». Эта публикация появилась благодаря Кюхельбекеру, другу поэта, который находился в то время в Париже в целях проведения конференций о русской литературе в Королевском атенее. В 1825 году в Париже было опубликовано 86 басен Крылова, они появились в оригинальном тексте с одновременным переводом на французский и итальянский языки благодаря графу Орлову, одному из русских поселенцев во Франции¹. Отметим также появление в 1834 году научной книги: аннотированного перевода «Хроники Нестора» в двух томах, сделанного Луи Пари, который был изгнан из России за свои либеральные идеи². Все же нужно признать ограниченность этих попыток.

¹ Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848) / под ред. В. С. Нечаевой. М., 1963 (26 июня 1826 г.).

² Книга считалась авторитетным источником до перевода и толкований первого французского слависта Луи Леже (1884).

А в начале 1837 года известие о смерти Пушкина резко перевело внимание на литературную Россию. Одновременно в последние годы царствования Луи Филиппа на парижских бульварах появилась другая категория русских, которых французы до сих пор игнорировали: приехали революционеры, сбежавшие от преследований Николая I. Бакунин, Лавров и Сазонов, друг Герцена, остановились во французской столице, где встретили Луи Блана и Прудона. Герцен вскоре присоединился к ним. За ними последовали Плеханов, Кропоткин и др. С этого времени появилась русская эмиграция, близкая к французским противникам России, от которых она получала неожиданную поддержку. Русский вопрос стал поводом для многочисленных дебатов в прессе и книготорговле. Благодаря переводам Прюспера Мериме, который познакомил французского читателя с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем и сумел оценить художественное качество им самим переведенных авторов, литературная Россия стала предметом более обширного внимания, чем во времена Наполеона и Реставрации.

В течение периода господства Второй империи из всех русских писателей во Франции на первом месте стоял Тургенев. “*La Revue des deux mondes*” («Журнал двух миров») не переставал печатать переводы его рассказов («Фауст», «Аннушка», «Дневник лишнего человека», «Три встречи»); но с 1861 года эти публикации прекратились, поскольку в назревающем конфликте журнал склонялся к Польше. Все происходило так, как будто Тургенев был единственным значительным русским писателем! Французские читатели, не оценившие по достоинству Гоголя, также не признавали еще Толстого, «Севастопольские рассказы» которого, опубликованные в 1854 и 1855 годах, прошли незамеченными. То же самое произошло с «Записками из Мертвого дома» (1862) Достоевского, оставшимися непереуведенными долгое время. Оба исполина русского романа будут открыты только после 1870 года. Именно 1870-е знаменуют разлом во французском сознании. После унижительно-поражения французов от пруссов Россия представляла как держава, которая могла помочь Франции³. Наконец в 1886 году пришло окончательное признание: знаменитый сборник “*Le roman russe*” виконта Мельхиора де Вогье, дипломата и литературного критика, открыл Франции Гоголя, Достоевского и Толстого, что повлекло за собой значительный наплыв русских романов и серьезных научных трудов (Anatole Leroy-Beaulieu и Louis Léger) во Франции конца XIX века⁴.

В заключение хочется подчеркнуть, что не только художественные критерии обуславливают количество переводов и их восприятие. Мы выявили целый комплекс факторов, которые порождают метаязык, служащий основой исторического диалога культур.

³ См.: Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. P., 1967.

⁴ Backès J. L. Le roman russe et l’esthétique du roman // Eugène-Melchior de Vogüé: le héraut du roman russe, sous la direction de M. Cadot. Paris, 1989. P. 29–36; Eugène-Melchior de Vogüé, Le Roman russe / éd. J.-L. Backès ; classiques Garnier. P., 2010. P. 57–70.